

Окончание.
Начало — в № 38

КАТАРСИЧЕСКАЯ мобилизация чрезвычайно велика в короткой временной перспективе, поскольку эмоциональный подъём резко расширяет готовность человека к действию. Однако длительная мобилизация, базирующаяся на одном состоянии экстаза, практически невозможна, поэтому данный ориентир особенно эффективен как момент запуска, кульминации или символического подтверждения уже существующего движения. Кроме того, путь катарсиса лежит за пределами осмысленного проекта и рационального целеполагания.

Недеяние. Гармония с собой. Тишина. Плохо понимаемой в рамках западной парадигмы развития является мечта о состоянии абсолютного покоя. Достижение Великой Тиши являлось между тем выраженным ориентиром русского сознания. Не информационный шум и триумфы, а Тишь. И вот уже идеальным государем вместо Грозного царя в XVII веке оказывается царь Тишайший. Человек может видеть высшую цель в прекращении внутреннего напряжения, в избавлении от необходимости постоянно желать, выбирать, бороться и доказывать. Даосское понятие недеяния выражает один из наиболее очевидных вариантов такого отношения к миру. Недеяние в данном случае не означает элементарной пассивности, а предполагает достижение такого состояния, при котором действие соответствует естественному ходу вещей и перестаёт быть насильственным усилием. Монашеская культура демонстрирует способность человека к чрезвычайной дисциплине ради достижения состояния, внешне выглядящего как отказ от мирской активности. Аскет годами совершает огромную внутреннюю работу, конечным итогом которой оказывается освобождение от власти страстей и суесть. Мобилизоваться сегодня, чтобы погрузиться завтра в вечное созерцание и покой. "Три года упорного труда и 10 тысяч лет счастья", — провозглашал Мао. Для массовой общественной мобилизации этот ориентир имеет ограниченные возможности, поскольку направляет человека преимущественно внутрь самого себя. Вместе с тем стремление к гармонии способно порождать чрезвычайно устойчивую дисциплину, когда многолетнее усилие подчинится достижению внутренней тишины и освобождению от власти страстей. Мобилизоваться, одолеть врага, но не для обретения новых ресурсов, а для погружения в Тишь Великую.

Соединение. Собраться всем вместе. Одним из глубочайших человеческих переживаний является ощущение раздельности и стремление её преодолеть. Человек рождается отдельным существом, но практически все формы его существования предполагают поиск связи с другими. В платоновском мифе об андрогинах любовь объясняется как стремление раздельного существа восстановить утраченную целостность. Религиозная община даёт человеку возможность переживать собственное существование как часть большего целого. Христианское понятие Церкви выражает единство множества людей при сохранении их личного существования. Русская мысль предложила категорию соборности, связывая полностью человека с его свободным единением с другими людьми в общей духовной жизни. Идея объединить всех — "собраться всем вместе" — соотносится с холистичностью русского сознания и заложенным в нём стремлением к цельности и целостности. Политические идеологии также постоянно обращались к образу преодоления разделения, призывая соединить классы, нации или всё человечество в единую общность. В коммунистической идеологии этот запрос на соединение приобрёл реальные черты мобилизационного проекта. Национальная мобилизация действует сходным образом, создавая переживание общей судьбы у миллионов людей, большинство из которых лично друг с другом никогда не встречались, но предполагают свою связность. Переживание принадлежности к общему целому радикально меняет отношение человека к собственным издержкам и жертвам. И вот уже "я" человека фактически отождествляется с "мы". Исторически наиболее мощные мобилизации почти всегда основывались на нарративах общей судьбы, благодаря которым множество отдельных людей начинало действовать как единый субъект. Проблема лишь в том, что фиксированные традиционные идентичности сегодня предельно разрушены, а в ситуации их текучести большие коллективные идентификаторы уже не мобилизуют.

Признание. Статус и слава. Человеку недостаточно обладать определёнными качествами, если существование этих качеств никак не подтверждается окружающими. Возникает потребность быть увиденным, оценённым и признанным другим человеком или обществом. Героическая

культура древности придавала исключительное значение славе, способной пережить физическую смерть героя. Ахилл в гомеровской традиции фактически выбирает короткую жизнь, соединённую с вечной славой, вместо долгого существования без великого имени. Римский триумф превращал общественное признание победителя в грандиозный политический ритуал. Средневековая культура чести создавала систему поведения, в которой утрата общественного достоинства могла восприниматься как бедствие более тяжкое, чем материальный ущерб. На Востоке особую роль приобретало признание статуса, что в китайской культуре выразилось в устойчивом представлении о необходимости "сохранить лицо" и о недопустимости его потери. В советской культуре признание переносилось также в будущее, на суд потомков и народной памяти. Человеку предлагалось соотносить собственную жизнь с тем, как

метее соединял получение знания с нарушением установленных границ и передачей человеку новых возможностей. Фаустовский образ, взятый О. Шпенглером как прасимвол западного развития, доводил устремление к познанию до предела, показывая человека, которого не удовлетворяет никакая достигнутая степень знания. Иначе это формулировалось в русской литературе — мысль разрешить, и без разрешения мысли не будет счастья. Формула Фрэнсиса Бэкона о связи знания и силы выразила новое понимание познания как средства преобразования мира. Была в этой установке и тема антирелигиозная — человек обретёт могущество Бога и сам станет Богом. Научные революции, атомный проект, освоение космоса показывают, что процесс разрешения интеллектуальной проблемы был способен мобилизовать государства, научные сообщества и огромные производственные комплексы. И

ОТ ГРОЗНОГО ДО СТАЛИНА

Часть вторая, заключительная. Идеократия как развитие

её оценят будущие поколения. Мобилизующий потенциал признания чрезвычайно высок там, где существует понятная шкала общественного успеха и видимая аудитория, способная вынести оценку. Стремление остаться в памяти потомков, безусловно, было исторически значимым мобилизационным императивом. Сегодня этот императив в значительной степени ослаблен вследствие сужения временного горизонта человека до пространства собственной жизни. Будущее перестало переживаться как продолжение общего исторического пути, в котором потомки будут судить о поступках предшественников. Культура настоящего ориентирует человека преимущественно на немедленное признание, измеряемое текущей известностью и реакцией современников.

Обожение. Преодоление материального. Особый класс человеческих ориентиров возникает тогда, когда земное существование воспринимается как неполное и требующее духовного преображения. Высшей целью оказывается выход человека за пределы состояния, определяемого властью страстей, материальных потребностей и телесной конечности. Христианская драма разворачивается с момента отпадения человека от Бога, утраты благодати и повреждения первообраза. Соответственно, цель земной жизни человека состоит в восхождении к Богу как высшему Духовному началу. Православная традиция раскрывает высшую перспективу человеческого существования через идею обожения. Монашество создало одну из наиболее впечатляющих в истории систем человеческой мобилизации, построенную на добровольном отказе от собственности, привычного семейного существования и значительной части телесных удовольствий. Но идея восхождения могла относиться не только к монахам, но и к обществу в целом. Этот мобилизационный проект являлся путем духовного спасения. На Руси, а ранее в Византии, он выражался через концепт Катехона. Идея максимизации духовного развития нашла отражение и в советском проекте. Задача создания нового человека предполагала формирование личности, способной преодолевать эгоизм, частный интерес и зависимость от материального потребления. Образ человека будущего связывался со служением общему делу, высокой культурой, образованностью, товариществом. Через воспитание, литературу, кинематограф, школу, трудовые и героические образцы утверждалось представление о возможности поднять человека над уровнем непосредственных материальных интересов. Создание нового типа человека становилось поэтому самостоятельной мобилизационной задачей, соединявшей трансформацию общества с преобразованием самой человеческой личности. Высокий потенциал такого ориентира определяется возможностью придать жизненному усилию вертикальное измерение, когда человек соотносит себя с представлением о более высоком состоянии собственного бытия. Очевидным ограничением оказывается сложность продвижения такого проекта в условиях общества потребления. Мобилизация Вавилона или Содома призывом к духовному восхождению априори проблематична.

Познание мира. Мысль разрешить. Разрешение мысли, снятие тайны и достижение понимания мира могут сами по себе стать важнейшим мобилизатором. Неведение способно переживаться человеком как особая форма неполноты существования. Древнегреческая философия возникла из удивления перед устройством мира и стремления найти за множественностью явлений их первоначала. Миф о Про-

этом тип мобилизации адресовался всему обществу, а не только когорте учёных. Девиз "Познать мир" стал императивом мобилизации периода всеобщего преклонения перед силой науки. Выйти за пределы Земли, освоить космос, стать властелином Вселенной — ещё сравнительно недавно эти нарративы оказывались фактором мобилизации. Потенциал познания как мобилизующего ориентира был особенно высок в эпоху, когда наука воспринималась как путь к раскрытию мира и овладению его силами. Участие в научно-техническом прорыве давало человеку ощущение причастности к движению человечества вперёд, к расширению границ возможного. Постмодерн существенно подорвал эту установку, поставив под сомнение саму универсальность научной истины и разрушив прежнее преклонение перед наукой как высшей формой знания. Вместе с утратой веры в познаваемость мира ослаб и мобилизующий императив его познания. Сегодня, однако, проследживается новая волна интереса к особым возможностям науки. Новая мобилизация в любом случае не может игнорировать фактор науки как познания и научно-технического прорыва. Противник продвигает этот интерес через проект технофашизма, и мы обязаны предложить не менее мобилизующую альтернативу.

Должный порядок. Мир по справедливости. Наиболее представленным исторически типом мобилизационной идеологии являлись проекты, основывающиеся на императиве установления должного социального порядка и такого устройства мира, которое воспринимается как справедливое. Мир несправедлив и неправеден, а потому должен быть преобразован. Другое дело, что представления о том, какое устройство является справедливым, расходились. Но наличие необходимого числа адептов определённого видения будущего задавало возможность соответствующего типа мобилизации. Каждая религия, а в дальнейшем и каждая идеология, предлагала свой проект переустройства мира. Мобилизация под "мир сей", полный неправд, не имела никакой перспективы. Но идея исправления неправд действительно мобилизовывала. Средневековые крестьянские восстания, религиозные движения, революции Нового времени, национально-освободительная борьба постоянно обращались к одной и той же формуле восстановления поправной правды. Русская культура особенно отчётливо различала законность существующего порядка и его правду, оставляя возможность нравственного суда над формально установленным устройством. Революционная мобилизация во многом возникает именно тогда, когда существующий мир начинает восприниматься не просто как тяжёлый, но и как неправильный. Вера в идеалы того или иного общественного устройства исторически выступала одним из важнейших мобилизаторов. В XX веке представление о должном порядке соотносилось прежде всего с классическими идеологиями, каждая из которых предлагала собственные образы справедливого общества и человека будущего. Либерализм, коммунизм, фашизм задавали конкурирующие проекты переустройства мира и требовали от своих сторонников деятельного участия в их осуществлении. Кризис классических идеологий привёл к ослаблению этого мобилизационного механизма. Единые представления о должном распались до субъектной множественности. Мобилизация вокруг общего проекта в таких условиях оказывается объективно затруднена.

Мобилизация против зла. Образ врага. Мощнейшим основанием мобилизации является представление о зле, которому необходимо противостоять. Ничто так не способствует консо-

лидации людей, как появление врага, несущего угрозу существованию самого сообщества и утверждаемому им порядку. Мировая культура изначально представляла историю через борьбу сил добра и зла, света и тьмы, Бога и дьявола, героя и чудовища. Тема священной битвы давала этой коллизии предельное выражение. Угроза торжества зла заставляла людей сплачиваться в наиболее драматические моменты истории, поскольку отказ от сопротивления означал возможность победы враждебного начала. Особую силу такая мобилизация приобретала в ситуации экзистенциальной угрозы, когда с образом врага связывалась перспектива уничтожения народа, государства, веры или самого уклада жизни. Отечественные войны давали наиболее очевидный исторический пример подобной консолидации, превращая борьбу с противником в нравственный долг. Враг как носитель антиценностей наделялся инфернальными чертами, демонизировался и представлял не просто геополитическим противником, а силой Тьмы. Размывание представлений о добре и зле существенно сокращает возможность такой мобилизации. В мире ценностной относительности всё труднее объяснить человеку, почему борьба требует предельного напряжения и почему отказ от неё означает возможность торжества зла. Мобилизация против зла способна объединять людей, различающихся по интересам, положению, политическим платформам, поскольку внутреннее противоречие оказываются сняты перед лицом общего врага. Если зло перестаёт восприниматься как зло, исчезает и нравственное основание для предельного сопротивления.

Победа над смертью. Бессмертие. Всеобщим вызовом для человечества является смерть. Она приходит за каждым. А потому идея победы над смертью имеет потенциал предельно широкого по охвату — всечеловеческого — проекта. Александр Андреевич Проханов выдвинул идею бессмертия как базисного мобилизационного проекта, сформулировав её в манифесте "Бессмертный Знаменосец". Тема смерти имеет отношение к каждому вне зависимости от страны и исторической эпохи. Победа над смертью относится к числу древнейших и наиболее сильных человеческих устремлений. В основании едва ли не каждой культуры обнаруживается сюжет борьбы сакрального героя со смертью, а мечта о великом реванше жизни получает выражение в религиозных и эсхатологических образах. Победа над смертью оказывается кульминацией истории фактически во всех традиционных религиях. В русской мысли идея победы над смертью получила особое развитие у Николая Фёдорова, для которого воскрешение отцов становилось "общим делом", предполагающим восстановление цельности человечества. Само бессмертие в такой постановке оказывается задачей всеобщей, требующей соединения усилий и выходящей за пределы индивидуального интереса. "Общее дело" — обрести бессмертие и воскресить отцов — как мобилизационный проект такого рода предполагает наибольшую широту охвата. Мир подошёл к рубежу, где вопрос о бессмертии перестаёт быть отвлечённым и утопическим. Наука накопила потенциал, достаточный для вмешательства в фундаментальные механизмы старения и в процессы клеточной регенерации для продления когнитивной активности. Технологии уже позволяют мыслить жизнь не как данность, а как управляемую систему. От того, кто задаст её ценностный и антропологический вектор, зависит, каким будет этот новый мир — пространством духовного восхождения человека или зоной цифрового рабства. Трансгуманисты уже оседлали тему бессмертия, рассматривая его как техническую пересборку человека. Человек традиционный в их понимании

для современных условий непригоден. Русское понимание, напротив, связано с верой в человека, который, будучи мобилизован, способен выйти на новый уровень своего развития.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТУР

Рассмотренные ориентиры показывают, что мобилизовать человека можно по-разному. Во всех случаях задаётся некая мотивационная перспектива. Ради достижения целевого состояния человек соглашается на напряжение сил, ограничения и отказ от привычного порядка жизни. Для каждого типа человека применима своя модель мобилизации. Но не всякие мобилизующие модели приемлемы для России. Мобилизация не есть самоцель. Она является важнейшим механизмом достижения цивилизационно-идентичных целей. Вначале заявляются ценности, потом — производные от них цели и только затем — средства, среди которых — мобилизация.

Мобилизация сегодня, приходится констатировать, несуществима при нынешнем типе государства, общества и человека. Причина несоответствия состоит в их деградации, выражающейся в отступлении от собственного российского цивилизационного оптимума. Соответственно, мобилизационная перспектива должна быть сопряжена с восстановлением цивилизационно-идентичного типа государства, общества и человека. Нельзя мобилизовать общество потребления на отказ от потребления, общество индивидуализма — на общее дело, человека комфорта — на жертву. Поэтому вопросы воспитания человека оказываются не просто стратегическими, а ключевыми.

ДВЕ МИРОВЫЕ ВЕРСИИ РАЗВИТИЯ — МОБИЛИЗАЦИОННАЯ И ДЕМОБИЛИЗАЦИОННАЯ

Цели развития могут различаться принципиально. По большому счёту все концепции осмысления развития могут быть разделены на мобилизационные и демобилизационные. Первая версия состоит в восхождении человека и общества к высшему идеальному. Как правило, в Традиции высшее идеальное обозначается понятием "Бог". Возможны, впрочем, и иные варьирующиеся по цивилизациям и идеологиям обозначения. Для достижения высшего идеального человек должен превозмочь себя. Преодоление себя требует воли.

Человек преодолевает инерционность материи и через это преодоление восходит к духовному. Таким же путём восхождения может идти и общество в целом. Для организации коллективного восхождения к идеальному требуется режим идеократии. Каждая цивилизация исходно выработала именно такое понимание развития. От сообщества людей — к Богу через нравственное совершенствование каждого.

Материальное приращение не было присуще этой модели. Для восхождения к идеальному экономический рост не имел значения. И, более того, при превышении критических порогов роста он мог оказаться помехой восхождению.

Второй вариант развития состоял в стремлении к достижению максимальной комфортности жизни человека. Для этого изобретается техника, осуществляется технологическая модернизация, устраивается быт. С человека последовательно снимаются разного рода социальные обременения. Логика восхождения замещается логикой освобождения. Развитие в этой версии оказывается сопряжено с материальным ростом и зачастую отождествляется с ним. Для характеристики этой модели движения в направлении будущего используется по-

нятие "прогресс". Его конечная цель — общество максимальной комфортности — максимизированный материализм. Преодоления себя в этой версии развития не предполагается. Как раз наоборот, оно ориентировано на то, чтобы человек не испытывал дискомфорта и в конечном итоге не напрягался.

Во второй модели развития сам человек не претерпевает внутреннего роста. Развитию подлежит окружающая человека среда, а не он сам. И, более того, в условиях возрастающего комфорта при атрофированности воли человек неизбежно деградирует. Второй тип развития оказывается, таким образом, путём антропологической деградации. И важно зафиксировать, что вектор деградации складывается из отказов человека от мобилизации.

ЗАПРОС НА ДУХОВНУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ

В ситуации обостряющейся борьбы в мире всё более очевидным становится тот факт, что в глобальном противостоянии смогут победить более мобилизуемые для сверхнагрузок сообщества. Речь в данном случае идёт не только о мобилизации военной, но и о возможности мобилизовать внутренние ресурсы человека. Современный мир является по преимуществу демобилизованным. Россия оказалась демобилизована установкой либерального разгосударствления. Запад подвергся ещё более разрушительной постмодернистской демобилизации. Вопрос состоит в том, кто может предложить в третьем тысячелетии новую мобилизационную модель. Существует несколько вариантов её претворения в жизнь. Первый вариант мобилизации — в рецептуре "цифровой тоталитарности". В рамках этой модели человек берётся под контроль посредством установления над ним власти технологических алгоритмов. По большому счёту это вообще не про человека — на нём ставится крест.

Мобилизуются высилительные мощности, концентрируются информационные ресурсы, развёртываются алгоритмические системы управления. Человек соотносится с этой мобилизацией фактически только в том смысле, что он теряет свободу и оказывается под полным контролем умных систем. Идеологически это — версия технофашизма.

Второй вариант — мобилизация нацистская. Фактически этот вариант реанимирует опыт германского нацистского зомбирования. На Украине был апробирован именно такой тип мобилизации. Близка к этой модели мобилизация джихадистская. Её содержательная основа иная, но сам механизм сходен. Человеку навязывается предельно упрощённая картина мира, в которой существует абсолютный враг и безусловная обязанность борьбы с ним. Пространство сомнения и самостоятельной рефлексии последовательно сужается. Человек оказывается фанатично мобилизован, но это мобилизация зомби.

Обеим версиям фашистской мобилизации может быть противопоставлена принципиально иная мобилизационная модель. Фашистские модели поражают человека и по своей сути построены на человеконенавистничестве. В одном случае человек замещается алгоритмами, в другом — он сам киборгизируется. Альтернативный путь мобилизации построен на идее духовного восхождения человека. Мобилизуясь и превосходя себя, человек сам поднимается на новые ступени развития. И такой тип мобилизации исторически связывался прежде всего с Россией. Если Россия сможет вновь предложить такую мобилизационную модель, как она это делала и во времена Царства, и во времена Империи, и во времена СССР, она победит.

Вардан БАГДАСАРЯН

На фото: горельеф на башне шлюза № 8 Тушинского гидроузла Канала имени Москвы. Автором всего комплекса, включая его художественное скульптурное убранство, является выдающийся советский архитектор-авангардист Владимир Фёдорович Кринский.